

МОСК. НОВОСТИ. — 1992. — 9 августа 321 — С. 23

ЧЕРТОВЫ КУКЛЫ

Зря, конечно, Иван Грозный замочил Пушкина.

Даже и сам спохватился, пожалел — да уж дело сделано, и обнял тиран убиенного поэта, словно сынулю-бедолагу, имитируя известную репинскую мизансцену, — с царями этими просто беда. Ну буквально проходу не дают лучшим представителям творческой интеллигенции.

Впрочем, вы можете трактовать и как-то иначе сей статуарный скетч — один из прочих, представленных на выставке восковых фигур. Здесь режутся в картишки Гитлер, Наполеон, Кутузов и маршал Жуков. Здесь прикинувшийся хирургом Ельцин оперирует некоего плачевного пациента — и отсутствие стерильных перчаток наводит на грустные мысли о пагубных септических последствиях. Здесь в гордом одиночестве восседает Илья Глазунов, а Берия с Малютой Скуратовым коротают досуг за шахматами. Ну и прочие восковые персоны — «иллюзия полная, народ будет доволен», как ехидно заметили в своем дневнике братья Гонкуры по поводу аналогичной выставки давнишним уже августом 1855-го.

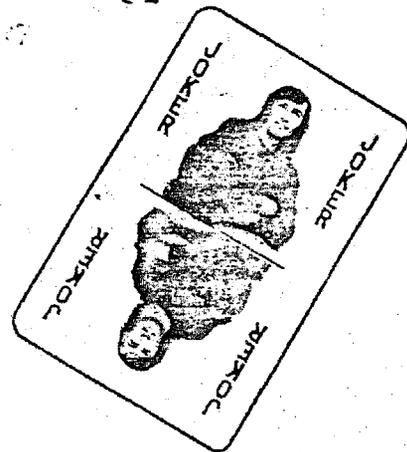
Странно ли, что восковой этой

потехи не доставляли здешнему народу прежде? Столь щедрая на всяческих истуканов советская эпоха избегала, тем не менее, игр в духе малам Тюссо — отчего бы? То ли крашеный воск — материал сомнительный, несерьезный для большого державного стиля, коему приличествуют лишь бронза, мрамор да гранит? То ли опасались разоблачения липовых пронагандистских гипербола — чреватым казалось продемонстрировать историческую фигуру в натуральном росте, без возвышающего пьедестала? Явная канверза мерещилась здесь идеологическим чучельникам, творцам муляжной эпохи: восковые фигуры, эти чертovy куклы, — слишком буквально воспроизведенная нежить, слишком прямолинейное обнажение приема канонизации. И если бронзовые болваны стоят прочно, непоколебимо (пока, разумеется, дело не доходит до автогенов и тягачей с тросами), то восковые манекены куда податливей, они послушные комедианты, способные разыгрывать самые причудливые пьески, самые саркастические сюжеты.

Гонкуры в это не врубались: «Нет сомнений, что демократии будущего воздвигнут во славу

будущей Франции новый Версаль, где будут собраны мемориальные шедевры, доступные пониманию каждого, так что простой народ во всем разберется, не умея читать по слогам...»

Да и откуда им было догадаться, что дух восковой мемориальности может быть столь ехидным? Устроители этого статуарного представления (а именно — театр истории «Тетрис») дояльни по отношению к живым прототипам своих истуканов: тихо-мирно сидит в уголке Макаревич, скромна, как школьница, босоножка Плисская. Но уж с покойничками церемониться не склонны — и самые что ни на есть разнациональные герои становятся персонажами пластических анекдотов — как вот, к примеру, Грозный с Пушкиным. Такое саркастическое амикошество легко будит воображение — и возможные сюжеты так и просятся быть запечатленными: допустим, Ленин порет розгами Льва Толстого (и тот, разумеется, не может молчать), а рядом ждет своей очереди хиппарь Горький с полуспущенными джинсами. Или (простите, Александр Сергеевич!)

поетинок на базуках Пушкина-Рэмбо с Дантесом-Терминатором — что ж, в восковом жанре любой даже можно придать ироническое обоснование.

О мертвых — либо хорошо, либо смешно, не так ли? И не в том дело, что мы, потомки, такие уж гадкие ерники. — просто учимся не бояться собственной истории, прорубая в ее мрачных застенках веселенькие окошца. И здесь, конечно, явен привкус балагана — но, право, не более, чем в самой всамделишной реальности, господа.

Алексей ЕРОХИН